державием думское большинство становится на сторону царизма.

Вот, например, что говорил депутат Щепкин:

«Чтобы выяснить наши отношения к старому бюрократическому строю и революционному движению, позволю себе закончить мою речь сравнением. Перед нами старая запруда и ветхая плотина, в которую изо дня в день бьют волны прибывающей реки, и не нынче завтра они пойдут через плотину, прорвут и размоют ее. Тут же старые сторожа, которые не верят дожить до прорыва плотины и пытаются изо дня в день укреплять ее мусором, тут же какие-то шаловливые руки приподымают то одно, то другое творило и любуются теми глыбами воды, которые падают в желоб и, обгоняя друг друга, бегут в тихий омут. Это революционеры, предвкушающие прорыв всей запруды. Мы не способны, как революционеры, любоваться водопадами из мертвых тел и гибнущих жизней, но и не верим, как бюрократы, чтобы эту ветхую плотину можно было починить старым мусором. Мы хотим поставить мельничное колесо под запрудой, но если запруда не устоит перед силой воды, которая напирает на нее, если волны пойдут через плотину, прорвут ее и размоют вместе с дряхлыми сторожами и их старым мусором, то мы тогда по совести в праве сказать властителю земли: «Государь, мы предупреждали!»[1]).

Кадетскому оратору и аплодировавшему ему думскому большинству не приходило в голову, что народный поток должен, вместе со «старыми сторожами» и «ветхим мусором», смести и «властителя земли»...

Утром 5-го мая, после продолжавшегося всю ночь заседания, Дума приняла окончательный текст ответного адреса, приняла его единогласно, — лишь 7 человек крайних правых, во главе с графом Гейденом, перед голосованием покинули зал заседания.

[1]) См. «Стенографические отчеты» за 1906 г., т. I, стр. 95, Курсив мой.

Позже 15 депутатов-рабочих письмом в газеты заявили, что и они «от участия в голосовании воздержались и не хотели только устроить из своего отказа демонстрации, чтоб не смешиваться с группой гр. Гейдена». Но это было не совсем точно: в действительности, окончательное голосование производилось вставанием — «кто отвечает утвердительно, остается сидеть, кто отвечает отрицательно, встает» — и так как рабочие депутаты при этом остались сидеть, то значит, — разумеется, против собственного желания, — они голосовали за адрес, и лишь после заседания спохватились, что этим самым они голосовали за монархию.

Задача «об'единения оппозиции» внутри Думы была, таким образом, разрешена успешно. Но вне Думы не только среди рабочих, но и в демократических обывательских кругах вспыхнуло резкое неудовольствие против думского большинства. Маятник общественных настроений качнулся влево, — далеко, далеко влево от Думы.

* * *

В это время в Петербурге началась полоса публичных собраний и митингов. Устраивались они разными партиями. С одной стороны, кадеты, чтобы сохранить связь с петербургскими избирателями, хотели об'ясниться по поводу своей тактики. С другой стороны, трудовики, став центром общего внимания, стремились сблизиться с гражданами Петербурга. Наконец, и с.-д. партия считала необходимым вынести на публичные собрания то, что она имела сказать по поводу первых шагов Государственной Думы.

Начались собрания, кажется, в тот самый день, когда Дума приняла текст ответного адреса. С первого же собрания выяснилось, что тема о Государственной Думе в представлении левых кругов тожественна с темой об из-

мене партии Народной Свободы. Кадетов ругали и большевики, и меньшевики, и даже трудовики, которые при выработке адреса держались не многим более радикально, чем представители думского центра. Ораторов партии Народной Свободы встречали свистками и враждебными возгласами, порой даже не давали им говорить.

Наиболее многолюдным было собрание в народном доме гр. Паниной, созванное 9-го мая трудовиками и социал-демократами. Огромный зал был переполнен. В толпе преобладали рабочие. После доклада В. Водовозова, говорившего о необходимости путем давления на Государственную Думу обеспечить руководящую роль в ней за «трудовой группой», выступали преставители социал-демократов.

Под именем Берсенева говорил Ф. Дан. Он говорил об об'единительном с'езде, об его решении образовать в Государственной Думе с.-д. группу, о необходимости установить связь между этой группой и широкими рабочими массами. Когда он кончил, на трибуну поднялся следующий оратор. Часть собрания встретила его бешеными аплодисментами, но большинство смотрело на аплодировавших с недоумением, не понимая, что означают эти овации по адресу никому неведомого «г. Карпова».

После некоторых замечаний о работе к.-д. в Государственной Думе, оратор перешел к тактике с.-д. партии. «Резолюция с'езда относительно Думы, говорил он, далеко не исчерпывает вопроса, многое в ней не досказано, а то, что в ней есть, не всегда правильно. Мы подчиняемся с'езду и будем проводить его резолюцию, но мы расширим ее, наполним ее революционным содержанием».

И далее, при возраставшем энтузиазме собрания, оратор отстаивал «старый, испытанный путь революции»: «Не поддерживать Думу, не давить на нее мы должны, а вне ее накапливать свои силы для решительного последнего боя с самодержавием».

Это был Ленин. Речь его имела огромный успех. В ней сосредоточился интерес митинга. Выступавших после него ораторов слушали неохотно. Депутата-кадета не хотели слушать вовсе и прерывали криками «долой».

В заключение, собрание приняло единогласно предложенную Лениным резолюцию. Это была чисто большевистская резолюция, а между тем за нее голосовали и меньшевики, и трудовики, которых немало было в собрании: настолько преобладало в этот момент большевистское настроение в демократических кругах Петербурга!

К этому времени уже выяснилось, что думскому большинству не удастся «уговорить» царя и соблазнить его преимуществами, которые представляет для него конституционно-парламентский строй. Николай II не принял думской депутации с адресом. Это был для кадетов тяжелый удар. И нужно признаться, что внутренно мы торжествовали по поводу полученного ими афронта.

Полемика между левыми и думским большинством становилась день ото дня более резкой. Настроение массы населения — в особенности, рабочих — было таково, что в то время можно было бы без труда устроить демонстрацию против Государственной Думы, но соединенных усилий всех партий не хватило бы, чтобы вызвать выступление в поддержку Думы, — хотя бы в роде манифестации 27 апреля.

Кадетская печать заговорила о том, что полиция умышленно предоставляет революционерам возможность критиковать Государственную Думу, дабы при помощи левых дискредитировать Думу в глазах народа. Основывалось это утверждение, насколько помню, на том, что какой-то пристав запретил собрание, созванное кадетами, в то время, как в соседней части города беспрепятственно происходили собрания, устраиваемые левыми группами.

Закипел спор о том, кто помогает полиции, кто занимается провокацией, либералы или революционеры. В этом споре весьма неудачную позицию заняли некоторые меньшевики, поддерживавшие в печати утверждение, будто по-

лиция намеренно потакает большевистским нападкам на партию Народной Свободы.

Итак, от «единства оппозиции», столь дорогого кадетам и лидерам трудовиков, не осталось и следа. И едва ли можно было возлагать всю ответственность за это на большевиков. Ибо настроения общества определялись в это время не большевистской агитацией, а тактикой думского большинства: не отвернись Дума в своем «ответном адресе» от народа, народ не отвернулся бы от нее в те дни, когда большинство ее с тревогой ожидало результатов своего первого выступления.

* * *

13 мая поднялся на думскую трибуну Горемыкин. Адресу Государственной Думы он высокомерно противопоставил правительственную программу: никаких перемен! ни амнистии, ни свободы, ни земли крестьянам!

Кадетская партия, вся тактика которой была построена на ожидании уступок сверху, оказалась в тупике.

Прозвучали бессильно слова Набокова: «Исполнительная власть да подчинится власти законодательной!»

Еще более беспомощно было обращение Родичева к министрам: «Совесть ваша должна вам указать, что нужно сделать — уйти и уступить место другим».

Больше думскому большинству нечего было сказать, и потому — на короткий миг — инициатива перешла в руки трудовой группы, и именно левых ее элементов.

Если в декларации Горемыкина нетрудно было прочесть между строк угрозу разогнать Государственную Думу, то в речах левых депутатов звучали в этот день прямые угрозы революцией.

В результате прений, Дума, большинством всех, против 11 голосов, приняла предложенную трудовиками формулу перехода к очередным делам, заканчивавшуюся требованием «немедленного удаления настоящего министерства

и замены его министерством, пользующимся доверием Государственной Думы».

Лишь только стало известно об этой формуле перехода, сразу смолкли в массах населения, в частности, в рабочих кварталах, нарекания против Государственной Думы, проснулись надежды на заседавших в Таврическом дворце народных представителей.

Полиция закрыла социалистические газеты, запретила собрания. Но на заводах собирались многотысячные митинги, принимались резолюции, призывавшие Думу бороться за созыв Всенародного Учредительного Собрания, обещавшие ей поддержку народа в этой борьбе.

* * *

На другой день после выступления Горемыкина, Государственная Дума была в демократических кругах Петербурга на вершине популярности. Она становилась центром собирания народных сил.

Но как быстро рассеялась эта популярность! Два месяца спустя, когда реакция решила покончить с Государственной Думой, ни одна рука не поднялась на защиту ее, и вокруг Таврического дворца оказалась пустота общего равнодушия...

Декларация Горемыкина и формула перехода, принятая Думой, ознаменовали начало открытой войны между правительством и народными представителями. С этого дня задачей Думы стало — добиться отставки министерства Горемыкина, а задачей правительства — подготовить условия для разгона Думы.

Правительство действовало решительно.

Союзу Русского Народа дан был лозунг — требовать роспуска Думы, и со всех концов России полетели в Петербург соответствующие всеподданнейшие ходатайства. Правые газеты и «Правительственный Вестник» изо дня в

день печатали телеграммы, переполненные ругательств и угроз по адресу Государственной Думы.

В казармах офицеры внушали солдатам, что Государственная Дума — сборище жидов и крамольников. В церквах произносились проповеди на ту же тему.

Черносотенная погромная агитация усилилась до небывалой степени, — и в первых числах июня сказались плоды ее в виде белостокского погрома.

Поход против Думы велся и с другой стороны. Администрация принимала меры против установления общения между депутатами и народными массами: запрещали сельским обществам выносить приговоры о поддержке Думы; арестовывали отправлявшихся в Петербург крестьян-ходоков; перехватывали посылаемые в Государственную Думу телеграммы.

В то же время правительство всячески старалось дискредитировать Думу в глазах населения: министры демонстрировали свое презрение к народному представительству; Горемыкин открыто заявлял, что треть Думы просится на виселицу . . .

Дума же в своей борьбе за отставку правительства и за замену его ответственным министерством была связана по рукам и по ногам своим пониманием стоявшей перед нею задачи.

Для думского большинства эта задача заключалась в том, чтобы доказать ц а р ю , что назначенные им министры не справляются со своим делом, — вооружают против себя общественное мнение и подрывают в народе преданность и уважение к верховной власти.

Одним из наиболее действительных средств для этого было пред'явление министерству з а п р о с о в.

Кажется, первоначально партия Народной Свободы пыталась внести в эту кампанию известный порядок. Но вскоре лавиной хлынули в Думу телеграммы, письма, ходатайства. Каждый депутат выносил на думскую трибуну жалобы своих избирателей. Груда запросов росла неудержимо, и уже не было возможности отличить в этой груде важное от второстепенного. Чаще всего дело касалось арестов, высылок, избиений, смертных приговоров и смертных казней.

Этой стороной своей деятельности Дума становилась защитницей обывателя в его вечной войне с начальством. Невидимые нити протягивались между Таврическим дворцом и страной. Правительству необходимо было не дать этим нитям окрепнуть: нужно было показать обывателю, что Дума ничем не может помочь ему, что обращение к ней не только бесполезно, но и опасно. Отсюда усвоенная министерством тактика: либо не отвечать вовсе на думские запросы, либо отвечать в вызывающем тоне. Отсюда также систематическое приведение в исполнение смертных приговоров, приостановки которых требовала Государственная Дума. Эти судебные убийства вызывали возмущение в стенах Таврического дворца, и именно они дали впервые повод бурным манифестациям против министров.

Представителей правительства встречали криками: «Палачи! Убийцы! В отставку!» Порой эти манифестации принимали характер обструкций, — министрам не давали говорить, сгоняли их с трибуны криками и стуком, выгоняли вон из зала заседаний. Этот способ борьбы применялся, главным образом, депутатами-крестьянами.

Наиболее острым моментом э т о й борьбы явился запрос по поводу избиения полицией депутата трудовика Седельникова. При обсуждении этого запроса Аладьин говорил:

«Если дотронутся до одного из наших товарищей депутатов или, паче чаяния, он будет убит, пусть ни один министр не является сюда! Мы слагаем с себя ответственность за их неприкосновенность! Не забывайте, что это мы, и только мы, сдерживаем революцию . . . Уже наступило время, когда оружие армии склоняется перед народными представителями . . . Нас раздавить, конечно, ничего не стоит . . . Но за то всем, кто только причастен к министер-

ству, если мы падем, русский народ не позволит, чтобы они жили после нас!» [1]).

Подобные речи, разносясь по стране, будили сочувственное эхо. И как сильно могло бы стать это эхо, еслибы борьба против министерства Горемыкина не велась думским большинством под флагом верноподданнейшей преданности царю!

Но вот, как формулировал Родичев отношение партии Народной Свободы к принципу ответственности министров:

«Государь не может делать зла. Зло и несправедливость, совершаемые от его имени, исходят не от него. Когда нам здесь говорят: «не касайтесь того, что совершается по высочайшему повелению», нас приглашают к чему? Нас приглашают признать, что вся эта кровь, которая пролита в России . . . пролита по высочайшему повелению, — никогда!» [2]).

Требование ответственного министерства обосновывалось не принципом суверенитета народа, а необходимостью ограждения безответственности монарха. Безнадежное дело в той исторической обстановке, в которой действовала первая Государственная Дума!

И по мере того, как выяснялось, что думское большинство твердо решило не сходить с этой почвы в своей борьбе с министерством, — выцветали и блекли надежды демократических слоев населения на Государственную Думу. На смену «иллюзиям» приходили антидумские, бойкотистские настроения.

* * *

Законодательная деятельность первой Государственной Думы тоже расхолаживала симпатии к ней народных масс.

[1]) «Стенографические отчеты», том II, стр. 1573.
[2]) Стенографический отчет отмечает, что Дума приветствовала это «никогда» «оглушительными аплодисментами». См т. II, стр. 964.

Думское большинство, как бы чувствовало себя на экзамене государственной зрелости, при чем больше всего боялось провалиться по части конституционно-монархической лойяльности.

Лишь вопрос о смертной казни кадеты поставили так, что левые и в Думе, и вне Думы, без колебаний и без оговорок, присоединились к ним. Все другие вопросы вызывали в Думе столкновения, которые получали свое отражение в печати, и со столбцов газет переходили на улицу, в толпу, законников, заседающих в Таврическом дворце.

Такую роль сыграл, между прочим, кадетский законопроект о свободе печати, в первоначальной редакции которого предусматривались за преступления по делам печати кары вплоть до восьми лет каторжных работ[1]). Для большевиков этот документ был сущей находкой — в смысле «разоблачения» партии Народной Свободы. И даже меньшевистский «Курьер», который, вообще говоря, прилагал все усилия к тому, чтобы привлечь рабочие массы к поддержке Думы, характеризовал этот законопроект, как «преступление, без нужды дискредитирующее Думу, подрывающее доверие и уважение к ней» [2]).

То же, но еще в более резкой форме, повторилось при обсуждении в Государственной Думе законопроекта о свободе собраний. Запрещение собраний в расстоянии меньше одной версты от пребывания царя и Государственной Думы, — а также на полотне железной дороги, на площадях и на улицах — давало основания утверждать, что вырабатываемый в Думе закон направлен п р о т и в рабочих, что Дума б о и т с я народа, прячется от него за частокол штыков.

Но в центре законодательной работы первой Государственной Думы стоял аграрный вопрос. И в этом вопросе с

[1]) Этот первоначальный проект был оглашен в к.-д. печати, но не был внесен в Думу. Критика левых побудила партию Народной Свободы внести в него значительныя изменения.
[2]) «Курьер» № 8.

особенной настойчивостью партия Народной Свободы проводила свою линию.

В основе аграрной программы конституционалистов-демократов, как известно, лежала идея «обязательного отчуждения за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель, с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке». Задуманная, как компромисс между традиционным взглядом крестьянства на землю и соображениями о сохранении производительных сил сельского хозяйства, связанных с существованием культурного помещичьего класса, эта программа должна была испытать участь многих компромиссов, пытающихся примирять непримиримые противоречия и гибнущих под ударами справа и слева.

Кадетскому плану трудовая группа противопоставила свой проект, построенный на принципе уравнительного землепользования (записка 104 членов Государственной Думы). В этом проекте было много спорного, но в одном отношении он имел неизмеримое преимущество перед предложениями партии Народной Свободы, — он не только выдвигал определенную схему решения аграрного вопроса, но и стремился создать силы для проведения этой схемы в жизнь. Трудовики шли к этой цели, требуя создания губернских, уездных и волостных комитетов, избираемых посредством всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, «задачею которых будет подготовить на местах все необходимые практические данныя для проведения будущей земельной реформы и ее приспособления к местным условиям, а также принять участие в обсуждении внесенных в Думу проектов земельной реформы».

Но Дума не только не приняла предложения трудовиков, — она уклонилась даже от обсуждения его. Практической мере, организующей силы крестьянства для действительного разрешения земельного вопроса, думское большинство предпочитало речи с думской трибуны. И трудовики дали увлечь себя на этот путь: их ораторы без конца говорили о земле, а проект о земельных комитетах оставался без движения.

И какой вопрос ни вставал перед Думой в ходе ее законодательной работы, каждый раз повторялась та же картина: думское большинство не боялось решений, которые отталкивали от него народные массы, но как огня, боялось шагов, которые способствовали бы организации революционных сил, их действенному сплочению вокруг Государственной Думы.

* * *

Итак речи, раздававшиеся с думской трибуны и борьба Думы с правительством, революционизировали настроения народных масс, но в то же время тактика думского большинства отталкивала эти массы от Думы, лишала их организующего центра, вела к бесплодному их распылению. Почему же крайняя левая Думы в эти дни не приняла на себя ту задачу собирания революционных сил, от которой отвернулось думское большинство? Ответ на этот вопрос — в слабости крайнего левого фланга первой Думы.

Здесь было 15 человек рабочих. Все они первоначально вошли в трудовую группу. Но вместе с тем, помня твердо, что они рабочие и что им нужно придерживаться рабочей партии и рабочей программы, они, немедленно по приезде в Петербург, вступили в сношения с с.-д. партией, а именно с меньшевиками.

Нечего говорить, что к парламентской работе депутаты-рабочие были абсолютно не подготовлены. Они и программу Р. С.-Д. Р. П. знали нетвердо, а о тактике партии не имели даже смутного представления. Но повторяя с думской трибуны требование, чтобы «все было по программе социал-демократической партии, которую весь русский пролетариат знает», они готовы были поставить свои подписи под любым документом, составленным Центральным Комитетом. Поэтому

печатные их выступления были проникнуты определенной политической мыслью, а устные выступления в Думе были из рук вон слабы.

18-го мая депутаты-рабочие выпустили обращение «ко всем рабочим России». В нем раз'яснялся смысл конфликта, происшедшего между Государственной Думой и правительством, при чем депутаты призывали рабочих готовиться поддержать Думу, предупреждали их не поддаваться на провокацию, и вместе с тем предлагали им высказаться о положении посредством «постановлений и приговоров на сходках и собраниях».

Это обращение нашло сочувственный отклик в рабочих массах.

Появилось оно в то время, когда неприятный осадок от верноподданнического ответного адресса уже рассеялся, когда перед глазами у всех был острый конфликт Думы с правительством, и когда настроение рабочих было в пользу Думы. Со всех концов России в рабочую группу хлынул поток резолюций, писем, телеграмм.

Большевики не были в восторге от такого успеха обращения рабочей группы, так как опасались усиления в рабочих массах «конституционных иллюзий» и меньшевистского влияния. Но выступать открыто против рабочих депутатов организация не могла, и потому большевисткая печать заняла по отношению к ним позицию, которую можно было бы определить, как выжидательный нейтралитет.

* * *

В июне в Таврическом дворце появились кавказские депутаты Ной Жордания, Исидор Рамишвили и др. Опираясь на них, Центральный Комитет образовал в Думе фракцию Р. С.-Д. Р. Партии.

«Новое Время» писало: «Несчастием — прямо роковым — явился приезд кавказских депутатов. Дума именно с их приездом точно сорвалась с цепи».

Это было преувеличение. Но в Думе, действительно, начался новый процесс: между кучкой социал-демократов и к.-д. фракцией закипела борьба за влияние на депутатов-крестьян.

Оставаться в стороне от этой борьбы большевики не хотели. С другой стороны, меньшевики не выражали намерения поделить с кем бы то ни было руководство фракцией.

Положение большевиков казалось безнадежным: все кавказские депутаты принадлежали к меньшевистскому течению; кроме того, фракция, по своему уставу, должна была подчиняться Центральному Комитету партии, где царили меньшевики. Но это не смутило руководителей большевизма. Они перенесли спор на улицу, на заводы.

16 июня с.-д. фракция огласила в Думе свою декларацию.

Эта декларация, написанная П. Б. Аксельродом, была проникнута идеей использования Государственной Думы для организации общенародного революционного движения.

Еще при обсуждении во фракции проекта декларации большевики противопоставили тексту Аксельрода свой проект, построенный на идее борьбы с конституционными иллюзиями, на противопоставлении пути восстания конституционному строительству и на оценке Думы, как помехи на пути революции. Но фракция этот проект отклонила. Тогда большевики, в первом номере своей новой газеты «Эхо», напечатали полностью свой проект с призывом ко всем организациям и членам партии сравнить этот проект с текстом, оглашенным в Думе.

У меня сохранилось отчетливое воспоминание, что это выступление произвело на рабочие массы Петербурга и, в частности, на партийные круги сильное впечатление. За большевистской концепцией задач фракции были преимущества революционной прямолинейности. К тому же, все поведение думского большинства укрепляло в рабочих массах

антидумские настроения, и это было водой на большевистскую мельницу.

В это время был в полном разгаре конфликт между Центральным Комитетом с.-д. партии и ее Петербургским Комитетом.

* * *

Ближайшим поводом для этого конфликта явился вопрос об отношении к требованию думского министерства.

Вскоре после того, как Горемыкин прочел в Думе свою декларацию и Дума ответила ему известной формулой перехода к очередным делам, Ц. К. выработал проект резолюции и предложил всем партийным организациям проводить ее на партийных митингах и собраниях.

В этой резолюции Государственной Думе обещалась поддержка во всех ее шагах, «направленных к низвержению нынешнего министерства и к замене его министерством, назначенным Думой».

Когда этот проект поступил в П. К., большевики восстали против него, — формально, как против нарушения Центральным Комитетом прав местной организации[1]), а по существу, как против попытки втянуть партию в русло либеральной, кадетской политики.

После страстных споров Петербургский Комитет, большинством 12 голосов против 9, решил резолюции Ц. К. не проводить, а вместо нее предлагать рабочим свою резолюцию, в которой говорилось:

«...Дума бессильна. Она бессильна не только потому, что в ее распоряжении нет штыков и пулеметов..., но также и потому, что в своем целом она нереволюционна и неспособна к решительной борьбе»... Меньшевики отка-

[1]) Ссылались на то, что Центральный Комитет не имеет права навязывать местным организациям готовый текст резолюции для митингов, но может лишь давать директивы об общем направлении кампании.

зались проводить эту резолюцию. Получился открытый раскол организации. Для разрешения спора было постановлено созвать междурайонную конференцию, а в ожидании ее началась на петербургских фабриках и заводах борьба между обеими резолюциями.

В ходе этой борьбы тактика, отстаиваемая меньшевиками, получила обозначение «поддержки кадетского министерства»[1]). Большевики ставили вопрос ребром:

— Товарищи рабочие! Хотите вы поддерживать кадетское министерство или не хотите?

Рабочие отвечали:

— Не хотим!

Что касается меньшевиков, то они старались вести борьбу не на принципиальном, а на формальном вопросе:

— Большевики разрушают единство партии. Петербургский Комитет не имеет права выступать против общего плана кампании, намеченного Центральным Комитетом.

Дискуссии велись беспорядочно. Во многих кружках рабочие отказывались голосовать по платформам.

В № 1 «Эхо» приведены цифры, характеризующие настроения партийных рабочих в ходе этого спора: опрошено было 4.143 чел., из них за резолюцию П. К. голосовало 1.760 за резолюцию Ц. К. — 952, а 1.431 выбирали своих представителей без платформы.

Конференция собралась в Финляндии (кажется, в Териоках), в середине июня. Присутствовало человек 80, в

[1]) Обозначение неточное, ибо речь шла не о поддержке того или иного министерства, а о борьбе за новый способ назначения правительства, за подчинение его Думе, а не придворной камарильи. Поддерживая это требование, рабочая партия ни мало не обязывалась поддерживать будущее правительство, составленное думским большинством. Справедливость требует признать, что петербургские меньшевики не сумели как следует об'яснить это различие рабочим. Меньшевистское агитаторы, по большей части, предпочитали оперировать доводом: «Министерство Милюкова все же лучше, чем министерство Горемыкина». Большевики отвечали: «Все один чорт», — и этот аргумент имел для рабочих все преимущества простоты.

том числе 71 ч. с решающим голосом. Я участвовал в конференции с мандатом от приказчиков. Докладчиками должны были выступить Ленин — от большевиков, Дан — от меньшевиков.

С самого начала заседания было ясно, что стороны не расчитывают ни переубедить друг друга, ни столковаться. Завязался спор о порядке дня. Большевики требовали, чтобы в первую очередь был поставлен вопрос о тактике по отношению к Государственной Думе, а затем соглашались обсудить вопрос о партийном единстве. Меньшевики настаивали, чтобы первым шел вопрос об единстве партии и о партийной дисциплине, а вопрос о Думе предлагали поставить вторым.

Ленин и Дан поочередно брали слово.

— Ведь это смешно! доказывал Ленин: Мы с вами, товарищи меньшевики, и о позиции вашего Ц. К. поговорим. Очень охотно поговорим. Но сперва дайте нам ответить на вопрос, для решения которого товарищи рабочие выбрали нас.

— Для того, чтобы решать тактические вопросы, возражал ему Дан, мы должны, прежде всего, знать, существует ли у нас партия или нет.

Спор тянулся часа три. Рабочим членам конференции он уже давно надоел, но лидеры твердо стояли на своем: от того, в каком порядке будут обсуждаться вопросы, зависит исход конференции, твердили они.

Победа осталась за большевиками: при голосовании порядка дня — это было уже под вечер — 42 голоса было подано за то, чтобы начать с вопроса о тактике по отношению к Думе, и 29 за то, чтобы сперва обсудить вопрос об единстве партии.

Перешли к вопросу о тактике. Представитель Ц. К., в виду того, что конференция отказалась обсудить предварительно вопрос о партийной дисциплине, отказался от доклада. Единственным докладчиком оказался Ленин.

В прениях принял, между прочим, участие присутствовавший на конференции Рамишвили. Он старался ни с кем не ссориться, со всеми сохранить добрые отношения. И не было возможности разобрать, на какой он стороне в споре между большевиками и меньшевиками.

За поздним временем заседание пришлось прервать. Если память не обманывает меня, переночевали мы кое как, вповалку, в том самом доме, где заседала конференция, и возобновили прения с утра следующего дня. Но меньшевиков на заседании уже не было.

Когда дело дошло до окончательного голосования, на лицо оказалось всего 47 делегатов с решающим голосом. 37-ю голосами, при 10 воздержавшихся, была принята резолюция:

«1) подвердить резолюции П. К. об отношении к Государственной Думе и о поддержке требования ответственного думского министерства;

«2) образовать немедленно регулярные совещания парламентской социал-демократической фракции с представителями социал-демократического пролетариата в Петербурге;

«3) поставить на очередь вопрос об организации таких же совещаний парламентской с.-д. фракции с представителями фабрик и заводов, в целях расширения влияния социал-демократии на массы и в целях давления пролетариата на Государственную Думу.»

Последними двумя пунктами резолюции большевики, как будто, приняли по отношению к с.-д. фракции план Ц. К. Но, само собой разумеется, они собирались проводить этот план по-своему.

Окрыленные одержанной победой они с удвоенной энергией повели наступление против последней твердыни Ц. К., против думской фракции, стремясь, при поддержке петербургских рабочих, вырвать из рук меньшевиков думское представительство партии.

* * *

Еще до образования с.-д. фракции, рабочие депутаты охотно посещали петербургские заводы и выступали на митингах. При этом меньше всего думали они о том, чтобы привить рабочим определенные тактические взгляды: да и могли ли они ставить себе подобную задачу, когда по уровню своего развития сами они мало отличались от рабочей массы и никакой определенной тактики не имели?

Они могли повторять:

— Организуйтесь, товарищи! Не поддавайтесь на провокацию! Будьте готовы к решительной борьбе!

Но им было не под силу уяснить свое отношение к двум течениям, которые боролись в с.-д. партии. Впрочем, они и не хотели вмешиваться в эту борьбу, так как в сознании их прочно сидело, что споры — это деле партийной интеллигенции, а рабочие должны быть «все вместях».

Во фракции они послушно шли за меньшевиками, потому что те первые взяли их в руки и имели за собой авторитет Центрального Комитета. Но на думской трибуне они то и дело сбивались самым неожиданным образом, а на митингах и подавно.

И все же рабочие полюбили своих депутатов. Сказывались ли здесь ненавистные нам «конституционные иллюзии» или иные причины, но депутаты, говорившие довольно нескладно о самых обыкновенных вещах, встречали на заводских митингах лучший прием, чем наиболее популярные партийные агитаторы.

Первым завоевал симпатии петербургских рабочих Михайльченко.

Я уже упоминал об его выступлении перед толпой в день открытия Государственной Думы. В мае и в июне мне пришлось много раз встречаться с ним на рабочих собраниях. Он всегда был один и тот же. Гладкие волосы, острая бородка клинушком. В живых маленьких глазах наивная хитреца: «Вы на меня не смотрите, что я такой . . . может, я и сам с усам». В нем чувствовался рабочий, преданный рабочему делу, ненавидящий и даже слегка пре-

зирающий всех «паразитов трудящихся масс», рабочий, гордый тем, что он «сознательный пролетарий».

Он охотно говорил о себе:

— Я, товарищи, как все вы, борец за народное дело: у меня голова пробита и два ребра сломаны.

Рассказывал о Думе, жаловался на думское большинство, на кадетов:

— Нас, рабочих, там малая кучка. Никуда господа-кадети нас не пущают, на все у них правила, повсюду рогатки понаставлены. Того не трогай, этого не говори. Хоть самого Николку взять . . . Нам бы, рабочим, его прямо за рога . . . А кадеты: нельзя, говорят, за рога — это прерогатив.

Но охотнее всего Михайльченко говорил о высочайшем приеме 27-го апреля.

— Приехали мы во дворец. Прямо палаты. Ковры повсюду, статуи, картины. Мужикам, однако, не понравилось, что люди голышом написаны, как в бане. Один старик все спрашивал: «Неужто это царь среди такой срамоты живет?» Повели нас, поставили. А кругом министры, генералы. Мундиры все в золоте, в звездах. А есть там, товарищи, и такие: мало ему, что все пузо золотом выложил, он и по заду золото пустил и звезд понавешал. Ей Богу, не вру! Мы и то считали: кабы с одного такого золото облупить, трем деревням на год хватило бы. Опять не одобряли мужики, что женщины ихние раздетые, — снизу в юпке, а кофты нет, все видно. Один деревенский все не верил, думал, что кофта на ней надета, да только под цвет сделана, так что глазом не видать; все норовил пальцем тронуть. А она от него: «Отстань, говорит, сиволапый, не подходи». А потом царь к нам вышел. Такой, скажу вам, товарищи, скверный царь у нас, — смотреть противно. Побормотал, побормотал чего-то, — а чего, и сам то не знает, и мы не знаем. Бормочет, бормочет, а глазами во все стороны, — боится . . .

Этот рассказ я слышал от Михайльченко раз пять, и передаю его почти дословно. Это был самый выигрышный номер екатеринославского депутата. Бывало, он говорит о чем-нибудь другом; ему кричат из толпы: «Расскажи ка, Михайльченко, о царе!», и он сразу начинает:

— Приехали мы, значит во дворец. Прямо, скажу вам, палаты . . .

Появлялись на заводах и трудовики. Депутатов деревенского вида рабочие встречали восторженно, независимо от того, что и как они говорили. Важен был самый факт, что крестьянин выступал перед рабочим митингом. Но трудовики-интеллигенты успеха не имели.

В частности, полный провал постиг Аладьина. Это был типичный болтун: без ясной мысли, без страсти, без энтузиазма, — ничего, кроме фейерверка слов и упоения собственным красноречием.

Публике городских собраний он нравился. Но рабочие сперва встречали его рулады молчаливым недоумением, затем стали прерывать его свистками, и Аладьин должен был отказаться от посещения заводов.

Из кавказцев чаще других ездил на заводы Исидор Рамишвили.

Маленького роста, сухой, с бронзово смуглым лицом, с орлиным носом, с глазами, горящими под косматыми седеющими бровями, с ранней сединой в волосах и в бороде, он напоминал горного орла. И когда, говоря перед толпой, он протягивал вперед коричневые от загара руки, этот жест невольно вызывал мысль о взмахе орлиных крыльев.

Говорил он просто, серьезно, вдумчиво.

— Рабочее дэло, говорил он, святое дэло. Мы, дэпутаты, это помнить будэм, и вы помнитэ.

Рассказывал он о жизни с.-д. партии в Закавказьи, говорил о том, как развитие партийной организации разрешило там вопрос о сближении крестьян и рабочих.

Именно от Исидора Рамишвили петербургские рабочие узнали о Грузии, — узнали о ней и прониклись любовью к этой далекой стране.

Помню рабочий митинг в лесу за городом, недалеко от Лисьего Носа.

Со всех сторон, по лесным тропинкам сбираются рабочие на полянку, выбранную для митинга. Большой серый камень; здесь, у красного флага, ораторская трибуна. Широким кольцом рассыпались по лесу патрули, на случай появления полиции или солдат . . .

Первым говорил Михайльченко. Затем, я и еще один товарищ. Четвертым поднялся на камень Исидор Рамишвили. И только начал он речь, как прибежал один из патрульных с тревожной вестью:

— Солдаты в лесу!

Движенье в толпе. Рамишвили протягивает руку:

— Товарищи, наше дэло — правое дэло! Пусть идут солдаты, я с ними говорить буду, а вы слушать будэтэ.

И он говорил о Думе и об ее работе, пока не показались между деревьями белые солдатские гимнастерки. Тогда он возвысил голос и обратился к солдатам:

— Идитэ сюда, товарищи солдаты! Вашэ мэсто — среди рабочих. Вашэ дэло — слышать, что скажэт вам дэпутат. Нэ бойтэсь, ничэго вам нэ будэт, мы нэ сэрдимся на вас, знаем, что нэ по своэй волэ вы пришли сюда с ружьями. Смэлэй подходитэ . . . А вы, господин офицэр, нэ мэшайтэ людям дэпутата слушать . . .

Неуверенно выступила кучка солдат на опушку леса. Подошли вплотную к толпе. За ними другие, еще и еще.

Рамишвили указывает на солдат толпе:

— Они наши гости, пропуститэ их на пэрвое мэсто.

Расступаются рабочие, и солдаты, со сконфуженными лицами, неловко держа в руках винтовки, проходят к камню, на котором стоит оратор. Вокруг белых гимнастерок смыкается море темных пиджаков и блуз. Рамишвили продолжает свою речь . . .

В петербургских казармах много говорили об Исидоре. Часто солдаты, присланные на завод «в предупреждение беспорядков», просили рабочих:

— Если старик на митинг приедет, заранее скажите, — наши послушать хотят.

Отмечу еще, что и большевики любили Рамишвили: они признавали его «левым» и не подозревали его ни в каких фракционных интригах.

Но каков был результат выступлений депутатов перед петербургскими рабочими?

Я думаю, что этот результат ограничился революционизированьем настроения заводских районов. Сообщить рабочим массам определенный взгляд на Думу и на тактические задачи партии депутаты не могли. Не смогли они, равным образом, разрешить вопрос об организации рабочих масс.

* * *

Всем революционным работникам в Петербурге основной и главной задачей момента представлялась организация пролетариата. Для большевиков эта задача упиралась в вопрос о восстании. Меньшевики связывали ее с вопросом о Государственной Думе.

Уже в середине мая Центральный Комитет решил организовать периодические совещания рабочих депутатов с представителями петербургских фабрик и заводов.

Первое совещание было составлено из рабочих различных предприятий, приглашенных через меньшевистских партийных работников. Затем система приглашений была заменена выборами, которые производились порой от митинга, в присутствии приехавшего на завод члена Думы, порой от заводского Комитета, порой от партийного кружка.

К середине июня выборы были проведены на сотне фабрик и заводов, к концу месяца число выборных перевалило за 200.

По рассказам рабочих-участников этих «совещаний», характер их был чисто пропагандистский: депутаты говорили, рабочие слушали. Порой бывало интересно, порой скучно. Никакой организации не получалось.

В конце июня, после того, как большевики одержали победу на петербургской конференции в вопросе об «ответственном министерстве», Петербургский Комитет решил взять совещания с депутатами в свои руки. О смысле этого решения я уже говорил: дело шло не о том, чтобы обеспечить депутатам поддержку рабочих, а о том, чтобы при помощи рабочих вырвать депутатов из под влияния Ц. К.

В это время рабочие массы в Петербурге представляли собою как бы поле, на котором производились всевозможные организационные опыты. В связи с движением безработных мне пришлось близко познакомиться с этими опытами, и вот что писал я о положении в районах в 10 № газеты «Эхо»:

«То, что производится в настоящее время над рабочей массой под предлогом ее «организации», не поддается никакому описанию . . .

«Началось дело с того, что Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. вздумал проводить выборы от петербургского пролетариата для связи его с с.-д. фракцией Государственной Думы. Дело держалось в строгом секрете от П. К. . . . Выборы производились для связи с с.-д. фракцией, и в то же время с.-д. организации ничего об этом не знали. Путаница получились колоссальная. Куда выбирают? Затем выбирают? . .

«Незадолго перед тем по заводам производились выборы депутатов в Совет Безработных . . .

«Пошли слухи о том, что организуется заново Совет Рабочих Депутатов . . .

«Идея Совета Рабочих Депутатов была подхвачена эсэрами . . . Одни эсэры проводили по заводам выборы депутатов для связи с «трудовой группой», другие проповедывали восстановление старого Совета Рабочих Депутатов. На не-

которых заводах выборы были произведены в третий и четвертый раз.

«Между тем, на смену явились лозунги П. К. — заводские комитеты и совещания с фракцией. Идут новые выборы. На иной завод приходят последовательно: представитель Совета Безработных, правый с.-д., левый с.-д., левый с.-р., правый с.-р., — и каждый говорит, и каждый призывает, и каждый устраивает выборы . . .

«К третьим, четвертым выборам рабочие относятся уже без соответствующего внимания . . . Нередко приходится слышать от рабочих такие отзывы: в Совет Безработных выбирали, чтобы относить собранные на заводе деньги; в Совет Рабочих Депутатов выбирали, чтобы давать показание на суде[1]); в с.-д. фракцию выбирали — заседать в Думе и следить, чтобы депутаты рабочие как нибудь не промахнулись; в трудовую группу выбирали, чтобы переносить и распространять литературу, и пр. и пр. Всего не перечислить, и из жизни районов можно было бы привести сотни и тысячи примеров, доказывающих, какой яд дезорганизации вливают в рабочие массы все эти организационные эксперименты.»

Чтобы покончить с этим организационным хаосом, я предлагал, прежде всего, установить, что каждый завод в всех районных и общегородских об'единениях должен быть представлен одним и тем же депутатом. Но эта мера, очевидно, не разрешала вопроса о форме организации.

Идея восстановления Совета Рабочих Депутатов вызывала множество возражений. Из них главное было: создавать Совет Рабочих Депутатов — значит подготовлять всеобщую забастовку.

Это опасение разделяли и большевики. Я лично был другого взгляда. Но так как в данном вопросе сбить Петербургский Комитет с занятой им позиции было невозможно, я выдвинул среднее, компромиссное предложение: общегородского Совета Рабочих Депутатов не создавать, но об'единить заводские комитеты порайонно и организовать сеть районных делегатских рабочих советов, которые ведали бы районными делами, как то: помощь безработным, борьба с черной сотней, местные стачки и т. п. Фактически в Петербурге уже существовали организации этого типа в виде районных Советов безработных, которые в то время об'единяли от 100 до 150 тысяч рабочих. Дело сводилось к преобразование и к расширению их. Совет Безработных отнесся к моему плану с энтузиазмом. Лозунг районных рабочих советов имел большой успех и на заводах.

Но в Петербургском Комитете эта кампания вызвала целую бурю. Товарищи напали на меня за «анархическое», «дезорганизаторское» выступление, помимо партийного центра. Я доказывал, что мой план отвечает потребностям момента. Раздавались возражения:

— Это тот же Совет Рабочих Депутатов, против которого мы уже высказались.

— Это еще опаснее: каждый районный совет может по собственной фантазии об'явить политическую забастовку.

И Петербургский Комитет вынес решение: районных рабочих советов не устраивать.

Наоборот, в редакции большевистского «Эхо», где царил Ленин, план, отвергнутый Петербургским Комитетом, встретил полное сочувствие и поддержку.

Этот эпизод показывает, до какой степени организационному хаосу в заводских районах соответствовал хаос организационных планов в головах партийных людей.

Необходимость организации познавали все, а общего плана не было, и то, что строилось, не только не сплачивало рабочих, но лишь увеличивало разброд.

А между тем, революционная волна в это время подымалась все выше и выше.

* * *

[1]) В это время подготовлялся разбор дела Совета Рабочих Депутатов 1905 года.

Крестьяне слали в Думу ходоков и все настойчивее требовали скорейшего разрешения земельного вопроса.

Но вместе с тем, оставаясь верны русской пословице «на Бога надейся, а сам не плошай», мужички приступили к разрешению домашними средствами своих давних земельных споров с помещиками. В различных концах России вспыхнули аграрные беспорядки.

Это было широкое, грозное движение. И оно зажло надежды в сердцах пролетариата.

Среди рабочих наметилось оживление стачечной борьбы. В Петербурге прокатился ряд забастовок. Особенно памятны две из них: булочников и каталей.

Стачка пекарей была проведена при ближайшем участии Центрального Бюро. Для разрешения конфликта была образована «примирительная камера». Иерихонской трубой гремел здесь Н. Рязанов.

Помню, продолжительные споры вызвал вопрос о праздниках. На празднование 1-го мая хозяева, скрепя сердце, согласились, но спорили против празднования 19-го февраля. Это дало повод Рязанову обрушиться на хозяев, вышедших из крестьянского сословия:

— Мы занесем в протокол ваше заявление, рычал он: Мы запишем, что вы отказываетесь праздновать тот день, когда отцы ваши из рабов превратились в свободных граждан.

Хозяева сидели смущенные. Но один из них, господин пшютоватого вида, выручил их:

— Послушайте, возразил он Рязанову: Разве 19 февраля мы получили свободу? Ведь нас ограбили! Это во всех социал-демократических книжках написано!

Не помню, как, в конце концов, был разрешен этот вопрос. Но, в общем, стачка закончилась победой рабочих.

Стачка кателей была еще более крупным событием в жизни рабочего Петербурга. Выбранный 12 тысяч каталей стаченый комитет устроил свою ставку на Куликовом поле (за полотном Финляндской железной дороги), где обычно

собирались безработные. Районный Совет Безработных предложил руководителям стачки свою помощь, — квартиру для заседаний в ненастную погоду, телефон для сношений с отдаленными частями города, бумагу и чернила. Катали были подавлены этой «организацией» и просили Совет принять на себя руководство стачкой. Дело было возложено на меня и на Сергея Малышева. Наша задача оказалась нелегкой. Пришлось иметь дело с чисто мужицкой толпой незнакомой с приемами пролетарской борьбы. Каталям все хотелось ускорить дело, пустив в ход свои средства — камни, ножи, топоры: камни — чтобы снять штрейкбрехеров, ножи — чтобы пугнуть хозяев, топоры — чтобы потопить пару-другую барок. Впрочем, среди них нашлись люди, которые быстро смекнули, что так дело не пойдет, и сумели удержать товарищей от эксцессов. Но с полицией, разгонявшей собрания, дрались и кулаками, и палками, и камнями.

Эта забастовка приковывала к себе в конце июня внимание всех петербургских рабочих. Закончилась она почти полной победой каталей.

Победа была бы еще более полной, но после разгона Государственной Думы катали постановили: прекратить экономическую стачку, чтобы, вместе со всеми петербургскими рабочими, принять участие в политической забастовке.

Но об этом мне еще придется говорить. Пока я отмечаю забастовку каталей лишь, как проявление того под'ема, который наблюдался в конце июня в рабочем движении в Петербурге . . .

Общее возбуждение перекинулось в это время и в казармы. Участились солдатские беспорядки. То отдельные роты, то целые полки пред'являли начальству экономические требования, заявляли о своем отказе стрелять в народ, выносили политические резолюции. За два месяца беспорядки были отмечены в 5 твардейских полках, в 38 армейских и в 7 казачьих частях.

Конечно, отсюда было далеко до того положения, которое рисовал Аладьин, говоря, будто «оружие армии готово склониться перед народными представителями». Но все же солдатские волнения были знамением времени.

Итак, в деревне, в заводских районах, в казармах — повсюду в конце июня царило возбуждение.

Но Дума, в значительной степени вызвавшая этот под'ем, уже не была центром движения. Вокруг нее бушевало народное море, пенились волны, но у кормчих ее не было смелости подставлять парус начинающейся буре.

Руководители Думы пытались, не связываясь с народными массами, использовать их движение для разрешения вопроса о власти: они заклинали монарха передать власть в их руки, указывая, что это единственный способ предупредить революцию. Но власть оставалась в руках Горемыкина и Столыпина. И когда, по ходу вещей, придворная камарилья признала за благо «сбросить крест с вершины Казанского собора», — разогнать Государственную Думу оказалось не многим труднее, чем разогнать рабочую массовку.

* * *

Последний и решительный конфликт между Государственной Думой и правительством разыгрался на почве аграрного вопроса.

20 июня было опубликовано «правительственное сообщение», излагавшее взгляды правительства на способы разрешения земельного вопроса. Центральной мыслью сообщения было: принудительное отчуждение земель правительством допущено не будет! Вместе с тем, в сообщении проводилась мысль, что помочь крестьянам в их малоземельи может лишь «исполняющее царскую волю правительство», а от Думы крестьянам ждать нечего.

26 июня, почти без прений, Дума решила поручить своей аграрной комиссии составить обращение к стране, которое могло бы парализовать впечатление правительственного сообщения, явно стремившегося дискредитировать народное представительство в глазах крестьян.

Недолго спустя аграрная комиссия представила Думе проект такого обращения.

Напомнив относящиеся к аграрному вопросу положения ответного адреса и правительственной декларации 13 мая и сжато характеризовав направление работ аграрной комиссии, этот документ заканчивался следующими строками:

«Несмотря на твердо выраженную волю Думы, министры опубликовали 20 июня сообщение, в коем от лица правительства об'являют все те же прежние предположения свои о земельном законе.

«В виду этого, Государственная Дума напоминает, что по манифесту 17 октября 1905 года никакое предположение правительства не может воспринять силу закона без одобрения Государственной Думы.

«Что же касается до принудительного отчуждения частно-владельческих земель, то Государственная Дума от сего основания земельного закона не отступит, отклоняя все предположения, с этим началом не согласованные. Указывая, наконец, что только тщательно обдуманный и правильно составленный закон может дать народу земельное обеспечение, Государственная Дума надеется, что население будет покойно и мирно ожидать окончания ее работ по изданию такого закона.»

Таким образом, в решительный час у думского большинства не нашлось для народа других слов, кроме приглашения «спокойно и мирно ждать».

При обсуждении в Думе этого проекта Рамишвили сказал:

«Конец проекта, где население призывается спокойно и мирно ждать решения аграрного вопроса, противоречит духу самого обращения. От имени социал-демократической фракции прошу Государственную Думу выкинуть этот конец

и выразить надежду, что народная революция поправит все промахи, ошибки и притеснения правительства. Только народное крестьянское восстание может сделать то, что нужно, и только оно может разрешить земельную нужду крестьян».

Стенографический отчет запечатлел, что Дума шумом и смехом встретила это предложение.

Даже проект аграрной комиссии казался думскому большинству слишком смелым, слишком резким.

6-го июля, при окончательном голосовании текста обращения, кадеты внесли в этот проект ряд поправок, изменявших его смысл. Главная поправка заключалась в том, чтобы с самого начала мотировать обращение заботой Думы о сохранении мира и спокойствия в стране:

«Государственная Дума стремилась и стремится к мирному установлению нового порядка в стране и надеется, что раз'яснение истинного положения вопроса о земельном законе даст возможность населению спокойно и мирно ждать окончания работы по изданию земельного закона».

Большинством 197 голосов против 100 (с.-д. и трудовиков) Дума приняла эту поправку. Тогда с.-д. фракция сделала с думской трибуны заявление о том, что она «отказывается от дальнейшего участия в обсуждении проекта обращения, а при окончательном голосовании его будет голосовать против, оставляя за собой право самостоятельным обращением выяснить народу истинное положение дел».

При окончательном голосовании проект кадетов собрал всего 124 голоса, при 53 голосах против. Свыше 100 чел. воздержались. Воздержались, в частности, трудовики, которые в этот решительный час не могли решить, нужно ли призывать народ к спокойному ожиданию или к борьбе.

Дальше пошло еще хуже. При обсуждении вопроса о направлении принятого обращения, за официальное распубликование его голосовало 129 ч., остальные от голосования отказались. Поднялся спор, законно ли решение, в котором

приняло участие лишь ¼ общего числа членов Государственной Думы. И в этих спорах закончилось последнее заседание Думы, 72 дня перед тем, в ясный весенний день, начавшей свою деятельность в атмосфере единодушия и энтузиазма.

Не знаю, какое впечатление произвела вся эта история на крестьянские массы России, но на демократические слои Петербурга она подействовала убийственным образом.

Меньшевистский «Голос Труда», все время боровшийся с антидумской пропагандой большевиков, писал 7-го июля:

«Если своей трусостью и подлостью, а не своим единением с народом добьется Государственная Дума отсрочки (своего разгона), то это значит только, что в стране будут продолжаться разбойные набеги правительственных отрядов, убийства и насилия, а Думу оставят говорить до тех пор, пока, опустившись до полного ничтожества, она будет — не «разогнана» уж, а просто вышвырнута носком кирасирского сапога . . . Уже сверкают молнии, уже слышны раскаты грома, но эти трусливые безумцы ничего не слышат и жадно ловят милостивую улыбку на барских устах. И когда они опомнятся и, увидев себя в тисках, захотят прибегнуть к народу, не случится ли так, что народ, признававший их прежде, не признает теперь, не откликнется на их призыв?»

В эти дни думское большинство имело против себя сплошной фронт демократии. И этот момент выбрала реакция для того, чтобы нанести решительный удар народному представительству . . .

8-го июля на пост председателя Совета министров был назначен Столыпин. Первым распоряжением его было введение в Петербурге и в Петербургской губернии чрезвычайной охраны. Ничто не выдавало дальнейших его планов.

Это было в субботу. На воскресенье в городе не было назначено ни митингов, ни собраний, — хотели выждать пару дней в виду чрезвычайной охраны. Так как в предыду-

щие дни у меня было много работы и я чувствовал крайнюю усталость, то решил в воскресенье отдохнуть и поехал на целый день в Терноки, где жили мои родные.

* * *

В воскресенье, совершенно неожиданно, я узнал, что Государственная Дума распущена. Узнал я об этом, как и все, из газет, где был помещен подписанный накануне манифест.

Со следующим поездом я уже ехал в Петербург, в уверенности, что застану в городе, если не баррикады, то всеобщую забастовку и уличные манифестации.

Но в Петербурге все было спокойно. Лишь у Финляндского вокзала заметно было необычное скопление полиции.

Левые газеты в этот день не вышли. Органы правой печати комментировали манифест, как акт высокой монаршей милости. Среди обывателей заметна была растерянность, спрашивали друг друга: «Что же дальше?», а ответа на этот вопрос не было ни у кого.

С.-д. партия никаких решений в этот день не приняла. Ожидали исхода совещания членов Государственной Думы, заседавших в Выборге, куда выехали также представители нашего Центрального Комитета.

И на следующий день, в понедельник, все было тихо в городе. Заводы работали. Но было ощущение, что это — затишье перед бурей.

В стачечном комитете каталей я поднял вопрос о том, как быть, если начнется политическая забастовка: с одной стороны, в этой забастовке потонет не доведенная до конца экономическая стачка, а с другой стороны, бастуя за экономические требования, катали будут лишены возможности проявить свое единение с петербургским пролетариатом в политической борьбе. Решили немедленно ликвидировать забастовку, но отделения стачечного комитета по районам

сохранить, заявив хозяевам: «Если требований не исполните, так покою у вас не будет, — политическую стачку отбастуем, и снова станем за наши требования».

Катали уверяли, что это на хозяев подействует, тем более, что у них остается в запасе еще последнее средство — рубить днища у барок.

В тот же день собрался Исполнительный Комитет Совета Безработных. У нас на руках в это время было свыше 10 экономических стачек: представители Совета участвовали почти во всех стачечных комитетах, а бастующие рабочие регистрировались в Совете в качестве безработных и получали в наших столовых бесплатные обеды. Обсуждали задачи, стоящие перед организацией в связи с будущей всеобщей забастовкой. Решили закончить все экономические стачки и принять меры к тому, чтоб иметь возможность в кратчайший срок развернуть сеть столовых. Наметили пункты, где нужно будет открыть столовые при всеобщей забастовке. Районные советы должны были подыскать заранее квартиры, найти заведующих, озаботиться, чтобы не вышло задержки из за дров, посуды, столов и т. д. Хозяйственная организация столовых должна была заняться вопросом о продуктах.

Вечером я узнал, что члены Государственной Думы подписали в Выборге воззвание «Народу от народных представителей». Текст воззвания достать не удалось, но товарищи, читавшие его, отзывались о нем: «Ерунда!»

Во вторник утром я был в Союзе Инженеров (на Загородном) по делам Совета Безработных. Туда принесли один экземпляр воззвания. Прочли его вслух. На меня документ произвел смутное впечатление: на нем явно лежала печать компромисса, начало не соответствовало концу, язык был вялый, бледный. Но лозунг — ни копейки в казну, ни одного солдата в армию! мог стать исходной точкой широкого движения.

Члены правления Союза Инженеров жаловались, что не удается отпечатать воззвание, так как за типографиями

установлено полицейское наблюдение. Я предложил размножить воззвание ручным способом. В Союзе оказался множительный аппарат «ротатор-циклостиль». Послали за бумагой, выстукали на восковке клише, и я с двумя инженерами принялись за печатание.

В это время в Союз нагрянула полиция. Повидимому, ожидали застать многолюдное собрание, — пристав был явно разочарован, убедившись, что в квартире почти пусто.

Чтобы не подать вида, что мы заняты нелегальным делом, мы продолжали печатать воззвание на глазах у полиции.

Пристав осведомился:

— Что печатаете?

Я ответил, не отрываясь от работы:

— Спешное.

— Машинка удобная?

— Ничего . . .

Этим бы разговор и кончился, но один из околоточных прочел заголовок воззвания «Народу от народных представителей» и подал листок приставу:

— Ваше высокоблагородие, никак оно политическое?

После этого полиция забрала отпечатанные воззвания, бумагу и машинку. Но из присутствовавших никто арестован не был, — записали лишь имена и адреса.

Когда вечером я рассказал товарищам, что чут-чуть не провалился при печатании «выборгского воззвания», это вызвало общий смех: к воззванию в наших кругах уже установилось определенное отношение. Тактика, рекомендуемая воззванием, — пассивное сопротивление, — вызывала презрительные насмешки.

По поводу этой тактики Ленин говорил:

— Это бессмыслица! Пассивное сопротивление, — до какой точки? А когда стражники приедут за податями или за рекрутами, тогда тоже пассивное сопротивление или активный отпор?

И Ленин громил депутатов с.-д. за то, что они дали свои подписи под «либеральную провокацию».

— Увидите, говорил он, никто из кадетов «пассивного сопротивления» проводить не станет. Даже распространять воззвания не будут. На что им? Они своего добились: трудовиков и меньшевиков поймали, революции помешали, реакции помогли . . . Чего им еще?

* * *

В Петербурге все было спокойно. Ни забастовок, ни демонстраций, ни митингов. Так прошла неделя.

И вдруг 17-го июля разнеслась весть: в Свеаборге восстали матросы.

Почему-то все сразу решили, что это ответ армии на разгон Государственной Думы.

Впечатление усилилось, когда пришла весть, что вслед за матросами в Гельсингфорсе восстали рабочие, что «красная гвардия», заняв железнодорожные станции, разрушает пути, чтобы не допустить подвоза подкреплений к правительственным войскам.

Наконец-то! Неужели же Петербург не поддержит?

Забастовка началась бы в Петербурге при первой же вести о восстании, еслибы не привходящие обстоятельства: вопрос о «выборгском воззвании», необходимость столковаться относительно лозунгов выступления, упадок настроения, явившийся результатом недели, прошедшей в бездействии и ожидании . . .

Прежде всего, нужно было узнать точнее, что происходит в Гельсингфорсе. Но финляндская железная дорога остановилась, вокзал был занят войсками, через границу никого не пропускали. Петербург жил слухами. Говорили о всеобщем восстании в Финляндии.

Настроение в городе становилось все более напряженным, в воздухе пахло грозой. Но какая то апатия сковывала члены петербургского пролетариата . . .

А в Свеаборге и Гельсингфорсе, действительно, шел бой.

Началось, как всегда, с пустяков. Уже давно в гарнизоне замечалось брожение, — как и в других гарнизонах, почти на всем пространстве России. 1-го июля начальство арестовало двух солдат из минной роты. Брожение усилилось, среди минеров пошли речи о том, что нужно освободить товарищей силой. Новые аресты лишь подлили масла в огонь. Очагом крамолы была признана минная рота, и 17-го утром начальство сделало попытку арестовать весь состав ее (200 ч.). Но за минеров вступились артиллеристы, и к вечеру Свеаборгская крепость оказалась в руках восставших.

Солдаты и казаки, расположенные в Гельсингфорсе, к восстанию не примкнули. Среди судов, стоявших на рейде, произошел раскол: одни были готовы присоединиться к восставшему гарнизону, другие относились к движению безучастно. Командованию удалось обезоружить ненадежные суда, и с 18-го началось наступление на крепость: с моря ее обстреливала судовая артиллерия, с суши действовали пехотные части и казаки. В крепости начались убийства офицеров. В Гельсингфорсе выступила «красная гвардия», вспыхнула всеобщая забастовка.

А в Петербурге в это время шли совещания. Собирались заводские комитеты и районные конференции. Эсэры и меньшевики были за забостовку. Большевики возражали против того, чтобы забастовка была связана с лозунгом поддержки Государственной Думы. Вновь обострилась борьба между Ц. К. и П. К. В конце концов, назначили забастовку на 21-го июля, но даже партийные люди, близкие к центру, не могли сказать в точности, почему именно этот день был выбран для выступления, и каковы лозунги забастовки?

А события не ждали.

20-го утром распространилась весть о восстании в Кронштадте. Пожар ширился, пламя приближалось к Петербургу . . .

Утром я был на явке Петербургского Комитета. Настроение было здесь напряженное. Накануне в Кронштадт выехали товарищи, которые должны были встать во главе движения [1]). Были стянуты туда и силы социалистов-революционеров. Но не было известий, насколько успешно развивается выступление. Известно было только, что восстание **началось**, что в Кронштадте идет стрельба.

В виду расширяющегося, подступившего вплотную к столице военного мятежа назначенная на завтра забастовка приобретала новый смысл. Вопрос о лозунгах отходил на задний план. Нужно было в едином ударе сосредоточить всю энергию, все силы.

Кто-то из товарищей, бывших на явке, высказал опасение, что в Кронштадте мало наших. Стали говорить о том, что нужно было бы мобилизовать туда все силы, особенно агитаторов. Я вызвался ехать, товарищи торопили меня:

— Поезжайте как можно скорее, сейчас же!

Не было речи ни об инструкциях, ни о полномочиях.

Достав план Петербурга, я соображал, каким путем можно было бы добраться до Кронштадта. На обычный путь — пароходиком от Английской набережной — нечего было расчитывать. Но кто-то сказал, что можно раздобыть паровой катер на взморьи, за Путиловским заводом. Поехал туда. По дороге заехал в Нарвский Совет Безработных. Там было много рабочих-путиловцев. Все возбужденно говорили о кронштадтских событиях. На мой вопрос, можно ли достать катер до Кронштадта, ответили, что это дело нетрудное. Двое товарищей вызвались устроить все. Но вернувшись часа через полтора, они сообщили, что придется дожидаться сумерок и в темноте «воспользоваться» казенным катером. Перешли в рабочую квартиру, поближе к взморью. Ждали вечера. Время тянулось невыносимо долго. Приходили и уходили какие то люди. Казалось, издалека доносился грохот пушек [2]).

[1]) Дубровинский (Иннокентий), Дюбуа и др.
[2]) На самом деле, в это время в Кронштадте не было стрельбы.

В сумерки вышли на взморье. У воды виднелась группа солдат. Один из провожавших меня рабочих подошел к ним и вернулся с донесением: караулят, — приказано следить, чтобы ни одна лодка не отплыла в море.

Вернулись к себе. Через час снова подошли к воде, — по берегу маячили часовые.

Прошли пустырями на другую часть взморья, — и там военный караул.

Всю ночь провел я в поисках какой-нибудь лазейки, но снова и снова натыкался на цепь часовых. Утром, усталый, измученный, вернулся в город и здесь узнал новости.

В то время, как я искал катера, чтобы ехать в Кронштадт, вернулись выехавшие туда накануне товарищи. Вернулись они с печальными вестями.

В Кронштадте все кончено. Ночью с 19-го на 20-е было поднято восстание в двух флотских экипажах и в минной саперной роте. Восставшие захватили форт «Константин». Но большая часть гарнизона не примкнула к движению, отказались присоединиться и судовые команды. К утру выяснилось, что восстание обречено на поражение. В 12 часов дня матросы сложили оружие. В 2 часа открылось заседание военного суда. К вечеру те, кого судьи признали зачинщиками, были расстреляны на верках кронштадтской крепости, и их трупы были сброшены в море...

Сдался правительственным войскам и Свеаборг...

А в Петербурге в это время начиналась всеобщая забастовка!

* * *

Забастовка началась нестройно, недружно. Заводы, которые всегда были впереди других, на этот раз работали. А городские конки забастовали, не вышли на работу команды финляндского пароходства на Фонтанке.

Вокзалы были заняты солдатами, по линиям рейсировали взад и вперед блиндированные поезда. Остановить железнодорожное движение не было возможности.

В этот день собралась в Териоках конференция петербургской социал-демократической организации. Заседание происходило в пустой даче, расположенной в обширном, густом саду, похожем на лес.

Присутствовало человек восемьдесят, — преимущественно рабочие. Председательствовал Ленин.

Заседание началось с инцидентов. Среди делегатов оказалась группа рабочих эсэров. Они отстаивали свое право участвовать в совещании, ссылаясь на то, что забастовка дело не партийное, а общерабочее. Тем не менее их попросили оставить собрание. Тогда поднялась другая группа рабочих, и один из них заявил:

— Мы приехали сюда для об'единения. А здесь свободу убеждений стесняют, так что нам делать здесь нечего, и мы уходим...

Их спросили, кто они такие, от какого района. Оказалось, что они считают себя беспартийными анархистами. Когда они ушли, загорелся спор между меньшевиками и большевиками. Предмета спора я не помню, — кажется, речь шла о составе конференции или о порядке дня. Спор закончился тем, что и меньшевики покинули собрание. Остались одни большевики. И стало скучно и сиротливо в наполовину опустевшей, обширной комнате.

Обсуждался вопрос о забастовке, об отношении к ней рабочих.

Была уже ночь. Тускло мерцала свеча на председательском столике в углу. Иные из делегатов, измученные усталостью, опустились на пол и дремали под речи товарищей. Из углов слышался негромкий храп.

Ораторы вяло, без огня, без увлечения говорили о том, что делать дальше.

— Надо баррикады строить. Начать надо...

Я вышел на крыльцо подышать свежим воздухом. Ночь была тихая, звездная. Вдруг слышу взрыв смеха в комнате заседания. Поспешно вернулся туда. Говорил Чернов, молодой рабочий с Общественных Работ в Галерной Гавани.

Он всегда говорил бойко, остроумно, — но что мог он сказать смешного в столь тяжелый момент?

Он только что начал свою речь:

— Ну да, товарищи, кулаками после драки машем, говорил он. Сами себя обманываем... Забастовки, говорим, мало. А где она, забастовка? Вот солнце взойдет, — и нет забастовки, один фук остался... Вчера была, а пока мы здесь говорили, — кончилась. И хорошо, что кончилась! Какого чорта нам за Государственную Думу бастовать? Это дело домашнее, промеж кадетов да октябристов. Пускай они и бастуют, а нам наплевать... Я практическое решение предлагаю: так как дело не стоит нашего внимания, так ничего и не решать!

— Вы предлагаете прекратить забастовку?

— Вот, на! Проснулся! Забастовка и без нас кончится. А я предлагаю ничего не решать и собрание распустить, так как, все равно, путного ничего не придумаем.

Речь Чернова разбила тот гнет, который до его выступления чувствовался в собрании: Заговорили все разом, шумно, с остротами, с шутками...

Рассвело. Пора было закрыть собрание. Практических предложений не было. Разошлись, ничего не решив, — или приняв решения настолько незначительные, что при всем напряжении памяти я не могу их припомнить, хотя отчетливо помню всю обстановку этого сумбурного ночного собрания...

Когда мы вернулись из Терпок в Петербург, забастовка уже догорала.

А два дня спустя, 24-го, началась забастовка в Москве. Прошла она еще хуже, чем в Петербурге...

III. МЕЖДУДУМЬЕ.

Столыпинщина. — В петербургской с.-д. оргаанизации. — Ленин и его кружок. — Большевики и меньшевики. — Две тактики после разгона Государственной Думы. — Борьба за партийный с'езд. — Рекрутская кампания. — Перед новыми выборами. — «Чистые списки» и «левый блок». — Тактика меньшевиков. — «Некоторые особые задачи второй Государственной Думы». — Общепартийная конференция. — Подготовка городской конференции. — Раскол. — Неожиданное решение. — «Предательство» меньшевиков. — Вторая избирательная кампания. — Наша борьба с кадетами. — Св. Гр. Петров. — Ораторы социал-демократы. — Другие партии. — Полиция. — Предвыборная кампания в рабочей курии. — Выборы от рабочих. — Соглашение с народниками. — Избирательные бланки. — Выборы в городской курии. — Итоги междудумья.

Разгоном Государственной Думы и подавлением восстаний в Свеаборге и Кронштадте открывается в истории России черная страница, отмеченная именем П. Столыпина.

С удесятеренной энергией принялось правительство за беспощадное искоренение крамолы.

Были двинуты воинские части против волнующихся деревень. Аресты производились уж не сотнями, как в декабре-январе, а тысячами.

Подверглись разгрому рабочие профессиональные союзы, прогрессивные книгоиздательства, рабочие и крестьянские газеты. Преследования коснулись даже конституционно-демократической партии, один из вождей которой, Герценштейн, был вскоре после разгона Государственной Думы убит действовавшими под покровительством высших сфер черносотенцами.

Начиналась полоса ничем не прикрытого правительственного террора. Ответом на него явилось усиление террора революционного.

Особенно памятно по террористическим актам начало августа.

2-го августа в Варшаве были произведены, во всех частях города сразу, нападения на чинов полиции. В последовавшие дни такие же нападения повторились в ряде других городов Польши. Неделю спустя максималисты предприняли покушение против П. Столыпина, взорвав его дачу на Аптекарском острове. 13-го августа был убит Конопляниковой карой усмирения Москвы генерал Мин . . .

20-го августа правительство издало положение о военно-полевых судах. Другой мерой борьбы с революцией явился седлецкий погром, учиненный, в отличие от погромов до-конституционного периода, исключительно силами регулярных войск и полиции.

Августовские покушения представляли собою высшую точку террористической волны. С сентября покушения пошли на убыль. На смену им пришли боевые акты иного рода: с каждым днем все шире разливалась волна экспроприаций.

По внешности, «эксы» казались «революционными партизанскими действиям». Но, в действительности, они все более вырождались в бандитизм, и лишь неистовая жестокость военно-полевых судов поддерживала вокруг них некоторый ореол.

Военно-полевые суды и казни — это наиболее характерная черта периода междудумья. Но кровавыми репрессиями не исчерпывалась вся политика П. Столыпина. У него была определенная политическая идея: подавляя силой оружия революционное движение, он расчитывал одновременно укрепить царизм путем расширения его общественной базы и сближения власти с умеренными кругами общества.

Отсюда его попытки привлечения в правительство общественных деятелей. Отсюда, равным образом, его аграрная политика, — продажа крестьянам удельных, государственных и частновладелческих земель через крестьянский банк и, позже, мероприятия, направленные к разрушения общины путем выделения зажиточных элементов ее на хутора. Лишь значительно позже столыпинщина выродилась в систему личного произвола безответственного и беспринципного временщика.

* * *

Партийной работе в Петербурге провал июльского выступления и последовавшие полицейские репрессии нанесли тяжелый удар.

В это время я делил свои силы и время между Советом Безработных и с.-д. организацией. Моя работа в союзе приказчиков оборвалась.

Вечером 24-го июля — как раз в день, когда началась всеобщая забастовка в Москве — я был в правлении союза.

Вдруг товарищ, сидевший у окна, заметил:

— Полиция идет. Уж не к нам ли?

Помещался союз в первом этаже, окнами на улицу, а единственный вход в квартиру был со двора. Взглянул в окно, — на панели виднелись фигуры городовых, дом был окружен.

Один из приказчиков сказал мне:

— Нам то ничего не будет, мы у себя на полном основании. А как вы, товарищ Петров? Вам бы лучше уйти . . .

Думал ли он о моей безопасности, или боялся, что мое присутствие в союзе подведет все правление, но совет его казался благоразумным. Я поспешно вышел во двор. Там не было ни души. Прошел в подворотню. Против решетчатых ворот, на улице, стояло человек тридцать городовых и околоточных; но во двор не входили, ждали начальства. Тут же топтался дворник с ключами. С шумом подъехала пролетка, с нее соскочил пристав.

Дворник распахнул перед ним калитку в воротах, и он шагнул через порог. Я двинулся навстречу ему. Столкнувшись с ним в калитке, я вежливо извинился; в ответ пристав притронулся к козырьку — и я вышел на улицу, а орава полицейских потянулась мимо меня во двор.

Приказчики, остававшиеся в помещении союза, были отведены в часть. От дальнейших неприятностей их спасло то, что среди них не оказалось «посторонних». Союз после этого не был закрыт. Но приказчики перетрусили и дали мне знать, что мое появление в помещении союза нежелательно.

Партийную работу среди приказчиков пришлось, таким образом, прервать, — возобновилась она лишь зимой, когда открылась избирательная кампания перед второй Государственной Думой.

Из «приказчичьего подрайона» я перешел в Окружную партийную организацию, куда входили Колпино, Сестрорецк, Охтенские пороховые заводы. Но одновременно я работал и в других районах: сил у партии было недостаточно, особенно остро чувствовалась нехватка агитаторов-митингеров, приходилось разбрасываться.

В это время я входил также в состав Петербургского Комитета.

Наиболее выдающимся работником в местной большевистской организации осенью 1906 года был Н. А. Рожков, приехавший к нам из Москвы уже на нелегальном положении. Он был старше и образованнее остальных членов Комитета, но не отказывался ни от какой работы: ездил в районы для занятий с кружками, читал доклады, писал листки, часами просиживал на явке, — всегда бодрый, жизнерадостный, смеющийся. С ним легко и приятно было работать.

Близкое участие в петербургской организации принимал также Григорий (Зиновьев), одно время председательствовавший в Петербургском Комитете. Непримиримый фракционер, весь смысл партийной работы он видел в борьбе с

меньшевизмом. На заводах он не выступал (или выступал редко), за занятия с кружками брался неохотно, но считался среди большевиков лучшим — после Ленина — докладчиком на фракционные темы. Спорил он довольно плоско, упрощая каждый вопрос и не гнушаясь демагогией. Но рабочим это нравилось.

Видным работником и одним из руководителей организации был Николай (Коновалов), о мрачной и загадочной личности которого я уже говорил в первой книге. Это был, по преимуществу, агитатор; к комитетской работе и, в частности, к межфракционой борьбе он не проявлял интереса.

Помню еще Землячку, Антона (Красикова), Овода (Вакулина), Платона (Теодоровича), Петра (Алексинского).

Землячка работала вместе со мной в Окружном районе. Редко приходилось мне встречать человека, до такой степени скучного. Рабочие в ее присутствии умирали с тоски, а она, ничего не замечая, пыталась помыкать ими, как малыми детьми.

На первом же собрании районного комитета, куда я приехал вместе с ней, она поразила меня, обратившись к рабочим с такой речью:

— На прошлом собрании я не могла присутствовать, а вы тут, без меня, в Петербургский Комитет т. Алешу провели. Это неправильно: меньшевики его в Комитете опутают. Предлагаю назначить перевыборы и послать в Комитет т. Мишу.

По части большевизма Землячка была тверда, как адамант. С первого взгляда, она определила во мне «сомнительного» большевика, и у нас с нею постоянно выходили мелкие стычки.

Антон (Красиков) по части партийной работы прилежанием не отличался и пил горькую. Но в организации он играл крупную роль.

Овод (Вакулин), молодой, энергичный, с красивым интеллигентным лицом, стоял во главе боевой организации Пе-

тербургского Комитета. Он был скуп на слова, никогда не спорил. К нему относились в Комитете с уважением.

Алексинский, напротив, сумел вооружить против себя всех, от твердокаменного Зиновьева до благодушного Рожкова. Его свистящий голос, искривленные насмешливой улыбкой губы, ехидные замечания с места, демагогические выходки вносили нервность во все заседания, на которых он присутствовал. У него была страсть к скандалам и интригам. Но на заводской трибуне он был великолепен, — здесь его образная, хлесткая речь, неожиданные словечки, народные поговорки имели огромный успех. И Алексинский знал себе цену: когда нужно было ехать на завод, он заставлял просить себя и принимал приглашение, будто снисходя к тому, что никто не может заменить его.

Платон (Теодорович) производил впечатление умного и интеллигентного человека. Порой он бывал остроумен в полемике. У него чувствовался большой опыт в решении организационных вопросов, но это не оправдывало того «генеральского» тона, которого он придерживался в сношениях с товарищами, и, в общем, его в организации не любили.

Я перечислил наиболее заметных членов Петербургского Комитета. Помимо них — со стороны большевиков — в Комитет входило еще несколько работников-профессионалов, в различной мере преданных делу, но одинаково бесцветных. Рабочих среди них вначале не было. Затем появились: молчаливый, но толковый и энергичный Фома из Городского района; живой, талантливый Михаил (Томский); мой соратник по Совету Безработных, несуразный, неотесанный, бурно пламенный Сергей Малышев.

Те же лица занимали авансцену на заседаниях общегородской конференции, но здесь к ним присоединялись еще члены большевистского центра.

* * *

В большевистском центре царил безраздельно Ленин. Его непререкаемый авторитет основывался не только на его талантах и исключительной работоспособности, но, главным образом, на необычайной уверенности, с которой он решал все вопросы. Это не была самоуверенность доктринера, а нечто иное.

Никогда не замечал я у Ленина признаков «генеральства». Наоборот, в обращении с товарищами (особенно, с рабочими) он был внимателен и прост. При появлении новых людей терпеливо слушал их, как бы ни были скучны их рассказы.

Слушал он по-особому: склонив голову набок, наставив ухо, лукаво прищурившись, с выражением напряженной работы мысли. Это выражение не сходило с его лица и тогда, когда его собеседник нес околесицу и не мог выбраться из леса: «так сказать», «ежели который», «с моей точки зрения, по существу, к порядку». Казалось, что Ленин с особенной жадностью вслушивается в подобные нескладные, корявые речи, и улавливает в них что то значительное и нужное ему, чего не замечают другие . . .

Это была характерная манера Ленина. Он, действительно, верил в то, что у массовиков революционер должен искать ответа на все встающие перед ним вопросы.

Никто не умел так, как Ленин, угадать настроения рабочей массы и выразить их сжато, выпукло, хлестко. Склонность к абстрактному, дедуктивному, доктринерскому мышлению странным образом уживалась в нем с гениальной чуткостью по отношению к рабочей стихии.

Порой, на вопрос об его мнении по тому или иному делу, он отвечал:

— Не знаю . . . Как товарищи рабочие решат, им виднее . . .

— Но при этом глаза его хитро улыбались. И собеседник чувствовал, что «Ильич» про себя уже решил вопрос.

Несколько позже того периода, о котором я говорю, в 1907 году, среди петербургских рабочих-большевиков об-

наружилось неудовольствие против комитетов и комитетчиков, а также против партийной прессы. Ленин предложил, чтобы на конференциях каждый высказывал с полной откровенностью, что у него накопилось. Посыпались упреки и обвинения, порой в довольно резкой и обидной форме:

— Вы — комитетчики, вы — генералы, о жизни заводов вы ни черта не знаете . . .

Ленин все это выслушивал, все принимал, со всем соглашался, — и в результате каждого такого об'яснения его авторитет в глазах рабочих возрастал еще выше.

Ленин был окружен атмосферой безусловного подчинения. Не только Зиновьев, но и Богданов, и Гольденберг, не говоря уже о таких работниках, как Землячка, Красиков и рядовые профессионалы, на все вопросы смотрели глазами «Ильича». Только Рожков сохранял некоторую долю самостоятельности, да еще я порой бунтовал против фракционной дисциплины, — но так как ни у Рожкова, ни у меня своей особой «линии» не было, то наши покушения на самостоятельность большого значения не имели и на ходе дел не отражались.

Для лучшего уяснения того, каково было отношение к Ленину в примыкавшем к нему кружке, приведу лишь один пример.

В 1907 году А. Богданов выпустил книгу под названием «Красная Звезда». Это была занимательно и талантливо написанная утопия, изображавшая социалистический строй на Марсе. В основу рассказа было положено переселение на Марс обитателя земли, которого марсиане взяли к себе с научной целью, желая проследить, как предомятся в его сознании их порядки и нравы. Об'яснив довольно вразумительно, почему марсиане выбрали для своего опыта русского человека, и при том социал-демократа, и именно большевика, автор на этом не останавливался. Он предвидел вопрос:

— Раз им, на Марсе, большевик понадобился, почему они Ильича не забрали?

И чтобы предупредить всякие недоразумения, Богданов влагает в уста марсианина, организующего эту экспедицию, замечание:

— Ленина я не решился взять, так как отсутствие его было бы слишком чувствительно на Земле[1]).

Как то беседуя об этой книге с Богдановым, я сказал ему, что, может быть, не было необходимости мотивировать, почему это на Марс угодил не Ленин, а рядовой большевик. Богданов пресерьезно возразил:

— Так правдоподобнее. Я ставил себя в положение моего марсианина. Решив взять с земли большевика, он должен был взять Владимира Ильича. Но тогда в дальнейшем рассказе я был бы связан характером. Нужно было мотивировать . . .

Вообще, отношение к Ленину его ближайших сотрудников было таково, что он мог сказать про себя: «Большевизм — это я».

Он крепко держал фракцию в своих руках и управлял ею, как неограниченный монарх, — но при том, как монарх, «обожаемый верными подданными».

По отношению к новым людям, появлявшимся в большевистской организации, Ленин держался, как умелый ловец душ: он искал новых людей, зорко приглядывался к ним, давал им возможность выдвинуться и умел связать их с организацией. Излюбленным его приемом было приглашение новых, подающих надежды работников в «профессионалы». «Нельзя делить силы между революционной работой и заботами о заработке, говорил он. Бросайте ваше место, на жизнь будете получать, сколько нужно из нашей кассы». Для него «профессионализм» в партии был не горькой необходимостью, а нормальным порядком, в наилучшей степени обеспечивающим правильное функционирование пар-

[1]) Цитирую на память. В «Красной Звезде» Ленин обозначен псевдонимом «Старик». Так называли его товарищи, работавшие с ним еще в 90-х г.г.